

Терри Пратчетт

Для былого и грядущего

И когда отошли заутреня и ранняя обедня, вдруг узрели люди во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробию, посредине на нем — будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней — чудный меч обнаженный и вокруг него золотые письма:

КТО ВЫТАЩИТ СЕЙ МЕЧ ИЗ-ПОД НАКОВАЛЬНИ,
ТОТ И ЕСТЬ ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ
КОРОЛЬ НАД ВСЕЙ ЗЕМЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ.

Томас Мэлори. Смерть Артура¹

Медная жила. Вот с медной жилой у меня возникли трудности. Все к ней в итоге и свелось. Древние алхимики искали золото. Знали бы они, что мужчина и девушка могут сделать с медной проволокой!..

И приливной мельницей. И парочкой увесистых брусков мягкого железа.

И вот я здесь — с этим смехотворным посохом в руке и переключателем под ногой — жду.

Хотел бы я, чтобы они перестали называть меня Мерлином. Я ведь Мервин. Как выяснилось, тут был один Мерлин — безумный старик из Уэльса, который помер много лет назад. Но о нем уже сложили легенды, которые теперь приклеились ко мне. Наверное, так все время и происходит. Половина знаменитых исторических героев — это на самом деле куча местных парней, которых скатали в одного менестрели. Если вспомнить Робина Гуда... Формально говоря, я его не могу вспомнить, потому что никто из мошенников, которым приписали это имя, еще несколько веков не родится, даже если им и положено существовать в этой вселенной, так что «вспомнить» — неподходящее слово, по крайней мере грамматически. Разве можно вспомнить что-то, чего еще не случилось? Я могу.

---

¹ Цит. в пер. И. М. Бернштейн. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

Почти все, что я могу вспомнить, еще не случилось, — такие дела с этими путешествиями во времени. Ушел сегодня, буду завтра...

Ага, вот еще один. Рослый детина. Ноги как пивные банки — по четыре штуки в пачке, плечи как у вола. И я не удивлюсь, если мозги тоже воловьи. Пятерня как гроздь бананов на рукояти меча...

Ну, нет, парень. Ты не тот. Можешь скрежетать зубами сколько влезет. Ты — не он.

Все, убрался. Руки у него еще несколько дней будут болеть.

Знаете, я, наверное, лучше расскажу вам про это место.

И это время.

Когда бы оно не оказалось...

Меня специально готовили к путешествиям во времени. Главная загвоздка — наиглавнейшая — это выяснить, когда ты оказался. Проще говоря, когда выходишь из машины времени, никто не повесит для тебя табличку «Добро пожаловать в год 500 н. э., преддверье Темных веков, население 10 млн и стремительно сокращается». Иногда можно шагать день напролет и не встретить никого, кто знал бы, какой нынче год, или какой король на троне, или даже — что вообще такое король. Поэтому нужно уметь присматриваться к таким вещам, как церковная архитектура, способ обработки полей, форма плугов — и прочему в том же духе.

Да-да, знаю, вы видели фильмы, где маленький электронный дисплей сразу показывает, где ты точно очутился...

Забудьте. В этой игре все стоит на навигационном счислении. Очень примитивная штука. Для начала смотришь на созвездия через крошечный прибор, потому что, как они мне сказали, звезды все время движутся и можно очень приблизительно определить, в каком ты времени, просто поглядев на небо и сверившись с градуировкой. Если даже созвездия опознать не получается, лучше быстро убежать и спрятаться, потому что за тобой скорее всего уже охотится какая-нибудь сорокафутовая чешуйчатая тварь.

К тому же тебе выдают справочник по всяким сгоревшим сверхновым и «Лунные кратеры в предположительном порядке их возникновения» за авторством Штёфлера¹. Если повезет, можно выяснить,

---

¹ И это, безусловно, крайне ценно — учитывая, что Иоганн Штёфлер жил в XV—XVI в. Добавим: и в честь него — несколько позднее — был назван один из лунных кратеров. — *Примеч. ред.*

в когда ты попал — плюс-минус полсотни лет. Потом остается только уточнить дату по положению планет. Просто вообразите себе морскую навигацию во времена... м-м-м, Колумба! Пан или пропал, да? В общем, временная навигация — примерно на том же уровне.

Все сказали, что я, должно быть, великий волшебник, раз так долго разглядываю небеса.

А я просто пытался понять, в куда меня занесло.

Небо говорит, что я где-то около 500 года н.э. Так почему же тогда архитектура норманнская, а доспехи вообще пятнадцатого века?

Постойте... еще один идет...

Ну, не Эйнштейн, конечно, но все же... о нет, гляньте только, как ухватился, как разъярился... нет. Он не тот. Не он.

Уж прости.

Так... значит... о чем я? Память как решето стала.

Ах да, архитектура. И говорят все на среднеанглийском, и хорошо, потому что мне так легче, я ведь как-то попал по случайности в 1479 год. Там я и познакомился с Иоганном Гутенбергом, отцом книгопечатания. Высокий, с кустистыми усами. До сих пор должен мне два пенса.

Ладно. Вернемся к этому путешествию. С самого начала было ясно, что все не так, как надо. На этот раз ребята должны были меня отправить на коронацию Карла Великого в 800 году н. э., а попал я мало того, что не в ту страну, так еще, если верить небу, и на три века раньше, чем следовало. Как я уже говорил — бывает. И еще лет пятьдесят должно пройти, прежде чем мы это исправим. Пятьдесят три года, если быть точным, я ведь познакомился с одним парнем в пивной в 1875, а он из нашего будущего — на сто лет вперед, и он мне так сказал. Я сообщил ребятам на Базе, что мы можем сэкономить усилия и просто, ну, купить чертежи следующей модели у кого-нибудь из парней из будущего. Они ответили, мол, если мы нарушим причинно-следственные законы, с большой вероятностью вся вселенная вдруг сожмется в крошечный пузырек шириной в 0,005 ангстрема, но, как по мне, попробовать стоило.

В общем, с медной проволокой мне пришлось изрядно повозиться.

Не подумайте, что я неумеха. Я ведь просто обычный, заурядный парень во всех отношениях, кроме того, что я — один на десять тысяч — могу путешествовать во времени и не свихнуться. Только

голова потом слегка побаливает. И к языкам я способный, и хороший наблюдатель. Уж поверьте, такое наблюдать приходилось! Так что коронация Карла Великого обещала быть почти отпуском. Я ведь в тогда уже наведывался, первую поездку оплатили в складчину историки из какого-то университета. Теперь нужно было проверить пару вопросов, которые возникли у заказчиков, когда те прочли мой отчет. Я уже даже продумал, где буду стоять, чтобы самого себя не увидеть. Но даже если бы я сам с собой столкнулся нос к носу, думаю, сумел бы что-то убедительное наплести. В нашей профессии невольно учишься вешать лапшу на уши.

А потом диод перегорел или вместо единицы где-то возник ноль и я оказался здесь, когда бы это ни было.

И не могу вернуться.

Ладно... о чем бишь я?..

Между прочим, еще одна проблема с медной жилой — это сделать изоляцию. В конце концов пришлось обернуть проволоку тонкой тканью, и каждый слой мы пропитали местным лаком, которым здесь покрывают щиты. И это, похоже, сработало.

И... гм-м... знаете, по-моему, путешествия во времени плохо влияют на память. Будто она подозревает, что все, о чем ты помнишь, еще не случилось, и поэтому портится. Я целые разделы истории забыл. Знать бы хоть, чему вообще они были посвящены.

Извините, минутку. Еще один претендент. Немолодой уже. И довольно сообразительный, судя по виду. Да что там, бьюсь об заклад, он даже имя свое может написать. Но все равно, не уверен. Нет у него...

Нет у него...

Чего же там у него нет?..

...харизмы! Вот, вспомнил.

Ладно. В общем, дальше. Короче говоря, снесло меня аж на три сотни лет — и все сломалось. Видели когда-нибудь машину времени? Скорее всего, нет. Момент перехода очень, очень трудно увидеть, если только свет не ляжет как нужно. Настоящая установка осталась на Базе, так что путешествуешь вроде как внутри механического призрака, ну или в том, что останется от машины, если вытащить все детали. В идее машины.

В общем, представьте себе здоровенный кристалл. Так бы она выглядела — я уже говорил, — если бы свет лег как нужно.

Очнулся я в жалком подобии кровати — просто на куче соломы и вереска, под невообразимо колючим одеялом. А еще рядом была девушка, которая пыталась накормить меня супом. Даже не пробуйте вообразить себе средневековый суп. Они в него бросают вообще все, что не стали бы есть с тарелки, а — уж поверьте — с тарелок они такое едят, что вы бы и в гамбургер не сунули.

Я там пробыл, как потом выяснилось, три дня. А сам даже не знал, что прилетел. Я бродил по лесу в полубессознательном состоянии и пускал слюни. Побочный эффект путешествий во времени. Я уже говорил, что обычно мне удается отделаться мигренью, но судя по тому, что я кое-как помню, это был джетлаг, помноженный на миллион. Зимой я бы наверняка погиб. Были бы рядом скалы или обрывы, свалился бы как пить дать. А так просто врезался в пару деревьев головой, да и то случайно. Повезло еще, что не нарвался на волков или медведей. А может, это они решили со мной не связываться, может, они думают, что, если психа съест, отравиться можно.

Отец ее был то ли лесорубом, то ли углежогом — что-то в этом роде. Я этого не выяснил — или выяснил, а потом забыл. Но точно помню, что он каждый день уходил из дому с топором. Он меня нашел и принес домой. Потом я узнал, что он меня принял за дворянина, потому что я был «богато одет». На мне были джинсы «Levi's», чтоб вы понимали. У него было два сына, и они тоже каждый день уходили в лес с топорами. Мне все никак не удавалось с ними поговорить до того самого дня, как с их отцом приключился несчастный случай. Не умел он, похоже, обращаться с топором.

Но Нимуэ... Какая девушка. Было ей всего-то... гм-м...

— А сколько тебе было лет, когда мы познакомились?

Она вытирает ладони тряпкой. Нам пришлось смазывать соединения свиным салом.

— Пятнадцать, — отвечает она. — Наверное. Слушай, до отлива еще час, но я не думаю, что гиниратар столько протянет. Он уже премного трясется.

Она пристально разглядывает собравшихся аристократов.

— Матерь Божья, какое сборище бычков, — говорит она.

— Качков.

— Да. Качков.

Я пожимаю плечами:

— Один из них станет твоим королем.

— Не моим, Мервин. У меня никогда не будет короля, — заявляет она и ухмыляется.

Заметно, что она многому научилась за двенадцать месяцев. Да, я нарушил все правила и рассказал ей правду. А почему нет? Я нарушил правила, чтобы спасти эту треклятую страну, и вовсе не похоже, чтобы вселенная собиралась сжаться в шарик шириной в 0,005 ангстрема. Во-первых, я думаю, что это не наш временной поток. Тут все неправильно, как я уже говорил. Похоже, меня выкинуло в какую-то другую историю. Может, в историю, которая никогда и не будет существовать иначе, чем у людей в головах, потому что путешествие во времени — это ведь тоже фантазия. Слыхали, как математики говорят о мнимых числах, которые при этом действительные? Так вот, я думаю, что это мнимый мир, который при этом действительный. Или реальный. Мне-то откуда знать? Может, если достаточно много народу во что-то поверит, оно и станет реальным.

Я оказался в Альбионе, хотя узнал об этом намного позднее. Не в Британии. Не в Англии. В стране очень на них похожей, в стране, с которой у них много общего — настолько много, что, наверное, идеи и истории перетекают на другую сторону, — но в реальности вполне самостоятельной.

Только что-то где-то пошло не так. Кого-то не хватало. Тут должен был появиться великий король. Сами впишите его имя. И он где-то здесь, в толпе. Повезло ему, что я оказался рядом.

Хотите, чтобы я описал этот мир? Хотите услышать про турниры, знамена и замки? Ладно. Всего этого добра тут полно. Но остальное вроде как покрылось слоем грязи. Разница между хижиной среднего крестьянина и свинарником в том, что хороший фермер иногда меняет в свинарнике солому. То есть поймите меня правильно: насколько я вижу, никто никого особо не угнетает. Рабства нет как такового, если не считать того, что они все в рабстве у традиции. Я в том смысле, что демократия, конечно, несовершенна, но мы хотя бы не позволяем мертвецам переголосовать ныне живущих.

И поскольку нет сильного лидера, в каждой долине сидит претендент на престол, который большую часть времени тратит на свары с другими претендентами, так что вся страна фактически пребывает в состоянии вялой войны. И все как один гордо шагают

по жизни криво только потому, что предки так ходили, и никому на самом деле ничего не нравится, а добрые поля зарастают быльем...

Я сказал Нимуэ, что прибыл из другой страны, — и это, в общем-то, было правдой.

Я с ней много разговаривал, поскольку только у нее одной там и варил котелок. Она была худенькая, невысокая и всегда насто-роже — как бывают насто-роже птицы. Я сказал, что нарушил пра-вила, чтобы спасти страну, но, если честно, я все сделал ради нее. Она оказалась единственным ярким созданием в этом глинобитном мире, с ней легко и приятно, она быстро учится и — в общем, я ви-дел, во что женщины тут превращаются к тридцати. Никто такого не заслужил.

Она со мной разговаривала и слушала меня, пока возилась по дому, если можно назвать работой по дому переметывание мусора с места на место, пока он не рассеется.

Я ей рассказал о будущем. Почему бы и нет? Какой от этого вред? Но особого впечатления на нее не произвел. Думаю, она слишком мало знала, чтобы поразиться. Люди на Луне для нее оказались при-мерно в том же разделе, что фэйри и святые угодники. Но вот водо-провод вызвал у нее живой интерес, потому что каждый день ей приходилось ходить к ручью с двумя деревянными ведрами и ко-ромыслом.

— И в каждой хижине такой есть? — спросила она, пристально глядя на меня поверх метлы.

— Конечно.

— Не только у богатых?

— У богатых больше ваннных комнат, — ответил я, а потом при-шлось объяснять, что такое «ванная комната».

— Да вы сами здесь такой можете устроить, — сообщил я. — Нуж-но только поставить плотину на ручье повыше в холмах и найти... кузнеца или кого-то, кто скует медные трубы. Или свинцовые. Или железные, в крайнем случае.

Она опечалилась.

— Мой отец никогда этого не разрешит, — сказала Нимуэ.

— Но он же наверняка поймет все преимущества водопровода? — возразил я.

Девушка пожала плечами:

— Какие преимущества? Ему ведь не приходится таскать на своем горбу ведра с водой.

— М-да.

Но с тех пор, когда не была занята по дому, она стала ходить за мной. Я всегда говорил: женщины были куда больше заинтересованы в новых технологиях, чем мужчины. Иначе мы бы до сих пор жили на деревьях. Водопровод, электрическое освещение, печи, которые не надо топить дровами, — думаю, за половиной великих изобретателей стояли жены, которые изводили их: мол, придумай более удобный способ работы по дому.

Нимуэ ходила за мной, как спаниель, пока я разгуливал по деревеньке — если вообще можно так назвать горстку хижин, похожих больше на отложения последнего ледникового периода или, возможно, динозавра, у которого были очень серьезные проблемы с кишечником. Она даже отвела меня в лес, где я в конце концов нашел свою машину в зарослях терновника. Починке не подлежит. Одна надежда, что кто-нибудь меня подберет, если ребята когда-нибудь высчитают, куда меня занесло. А я знал, что они никогда за это не примутся, потому что если бы принялись, уже были бы здесь. Даже если пришлось бы десять лет высчитывать, они ведь все равно смогли бы прилететь в Здесь и Сейчас. В том-то и прелесть путешествий во времени: у тебя его сколько угодно.

В общем, меня бросили.

Однако мы, опытные путешественники, всегда берем с собой кое-что — на черный день. У меня под сиденьем лежал целый ящик барахла. Несколько небольших золотых слитков (их принимают повсюду, как самые лучшие кредитки). Перец (во многих веках стоит больше золота). Алюминий (редкий и драгоценный металл в дни до появления дешевой электроэнергии). И семена. И карандаши. Столько лекарств, что впору открывать аптеку. И не надо мне рассказывать про травяные отвары — человечество веками орало от боли и пыталось лечить гнойные нарывы на деснах любой зеленой дрянью, какая только росла в окрестной грязи.

Она по-совиному смотрела, пока я перебирал барахло и объяснял, что для чего предназначено.

А на следующий день ее папаша раскроил себе ногу топором. Братья принесли его домой. Я его заштопал и — под ее внимательным взглядом — обработал рану. Через неделю он уже